

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ И МИРОВАЯ ПОЛИТИКА

УДК 316

ФОМЕНКОВ Артем Александрович,

доктор исторических наук, доцент,
доцент кафедры социально-политических коммуникаций

E-mail: artjom2310@inbox.ru

ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский

Нижегородский государственный университет

имени Н. И. Лобачевского», г. Нижний Новгород, Россия

БЫВАЛЬЦЕВ Максим Александрович,

студент Института международных

отношений и мировой истории

E-mail: mab_1477@yahoo.com

ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский

Нижегородский государственный университет

имени Н. И. Лобачевского», г. Нижний Новгород, Россия

«ПОЛИТИКА ПАМЯТИ» КАК СОСТАВНАЯ ЧАСТЬ ЗАПАДНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

В настоящей статье выявлена связь между «политикой памяти», получившей развитие в послевоенной ФРГ, и современной практикой покаяния перед народами бывших колоний, характерная для стран Запада. Сделан вывод о том, что «политика памяти», изначально направленная на недопустимость повторения в будущем Холокоста, стала частью идентичности в странах Запада.

Ключевые слова: идентичность, геноцид, Холокост, Запад, важность, особенности, «политика памяти», расизм.

Для цитирования: Фоменков А. А., Бывальцев М. А. «Политика памяти» как составная часть западной идентичности // Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). — 2021. — № 2 (51). — С. 32–36. DOI: 10.47598/2078-9025-2021-2-51-32-36

Два десятилетия назад австралийский политолог Л. Хадди отметила, что интерес к проблеме идентичности растет в гуманитарных науках в геометрической прогрессии [3]. Нельзя не признать, что в современных реалиях большое влияние — в том числе и на коллективную идентичность — оказывает политика памяти. Ярким примером тому является движение «Black Lives Matter» [1, 5, 7–8]. Не вдаваясь в подробности (в первую очередь имеется в виду — не пытаюсь критиковать идейную

доктрину данной структуры, равно как и отрицать применяемые ею методы политической борьбы) отметим, что во многом с подачи этой организации уже появились ритуалы, становящиеся обязательными. Прежде всего это касается вставания на одно колено перед началом спортивных состязаний. Практически все футбольные клубы, выступавшие в текущем сезоне в еврокубках уже исполняли этот ритуал — в ряде случаев несмотря на протесты своих болельщиков. Характерно, кстати, что на

грядущей Олимпиаде в Токио такого рода ритуалы будут под запретом — формально под предлогом того, что «спорт вне политики».

Как нам представляется, практика преодоления расизма во многом проистекает из немецкой «политики памяти». Два основных ее компонента — «проработка прошлого» (*Aufarbeitung der Vergangenheit*) или «преодоление прошлого» (*Bewältigung der Vergangenheit*). Последнее было направлено на осознание коллективной ответственности за Холокост. Поражение в войне было шоком для немецкой идентичности: под угрозой оказалось чувство собственного достоинства немцев. Послевоенное построение немецкой идентичности началось с попыток дезактуализации Холокоста и нацизма. Были предприняты попытки найти корни национальной идентичности в событиях прошлого, предшествующих нацизму. Холокост при этом терял значение как элемент истории и не принимался в расчет при построении идентичности [11]. При этом нацистская диктатура стала рассматриваться как следствие вторжения небольшой группы политических гангстеров, которые пришли ниоткуда и были чужды немецкой идентичности. Таким образом, в коллективном представлении немцев не они, но другие были виноваты [11].

Однако целенаправленная политика властей ФРГ привела к изменению отношений рядовых граждан. Кроме того, с взрослением нового поколения немцев началась новая стадия, в которой Холокост уже стал составляющим элементом немецкой идентичности. Эту стадию характеризовала моралистическая критика событий с точки зрения универсальных ценностей. На следующей стадии преступники, совершившие Холокост, перестали восприниматься как чуждые немецкой идентичности [11].

В настоящее время Холокост является одной из важных составляющих современной немецкой идентичности, укореняющей ее в катастрофе. Холокост является частью событий, которые повлекли полное поражение страны, отчуждение от нее территорий, длительное ее разделение на два государства и непереносимое бремя вины и ответственности. Катастрофа определяет решающие события в нарративе немецкой истории, что оказывает влияние на самосозна-

ние немцев, их идею коллективной идентичности. Немецкое историческое сознание в послевоенный период характеризовалось повышающейся ролью Холокоста [11].

Важно также отметить, что история ФРГ до объединения характеризовалась борьбой за то, чтобы найти место Холокоста в историческом сознании страны. В связи с этим возникли большие сложности в создании позитивной идентификации населения с германской нацией. Ее место стала занимать постнациональная идентичность, выражавшаяся в идентификации с Европой или с либеральными демократическими ценностями. Немецкая идентичность стала носить космополитический характер, а ФРГ стала космополитическим государством, не желающим открыто выражать свои национальные интересы [12].

Выдающимся немецким философом Юргеном Хабермасом была предложена идея «постконвенциональной» идентичности Германии, которая заключалась в осознании немцами своей страны как результата успешного процесса морального обучения [10]. Герхард Шредер после своего прихода к власти попытался реализовать идеи Хабермаса, высказав позицию по поводу нацистского прошлого, которая соединяла две ранее несовместимых точки зрения. Полностью признавая вину Германии, он считал, что темное прошлое не должно быть препятствием для позитивной немецкой идентичности. Он выступал за дальнейшую «нормализацию» Германии, которая не должна была влиять на признание немецкой нацией своей вины [10].

Важно также подчеркнуть, что начиная с объединения Германии в 1989 году Холокост стал лакмусовой бумажкой национальной идентичности. Ответственность немецкой нации за преступление перестала быть табу. В самом центре Берлина был построен монумент жертвам Холокоста [9].

В настоящее время в ФРГ концепцию толерантности (без нее невозможно представить себе осознание ответственности за Холокост!) превращают в лозунг, абсолют, крайность. Левые активно выступают за признание акта геноцида, совершенного Германией в Намибии в начале прошлого века. Это предложение не находит поддержки у многих граждан ФРГ уже

хотя бы потому, что немецкий военачальник Лотар фон Трота, причастный к тем событиям, воспринимается как герой франко-прусской войны.

В целом же следует признать, что, с одной стороны, признавая Холокост и геноцид армян, немецкие политики руководствуются далеко не в последнюю очередь принципом справедливости (важным с этической точки зрения!) [4]. С другой же стороны, немецкие левые (а именно члены партии левых и СДПГ активно поднимают тему геноцида гереро и нама!) мыслят в рамках парадигмы, весьма распространенной среди западных левых и большей части либералов [6]. Суть таковой заключается в следующем: европейские народы в ходе политики колонизации уничтожали местное мирное население и его культурные традиции, а потому современные страны Запада (Великобритания, Франция и Германия в первую очередь) должны нести ответственность за те преступления.

Согласимся с тем, что «на протяжении последнего десятилетия мы являемся очевидцами распространившейся по всему миру эволюции, которую претерпевает конструирование национальной памяти. Если раньше грамматiku национальной памяти тысячелетиями определяла триумфальная или оскорбленная честь, то теперь она уже не играет роль единственного критерия. В подтверждение сказанному достаточно сослаться на ряд событий 1998 года: в январе канадское правительство принесло извинения за преступные деяния своих предков по отношению к аборигенам, в марте пре-

зидент Клинтон извинился в Уганде за активное участие США в глобальном преступлении работорговли и использовании рабского труда, а в октябре японский премьер-министр К. Обути от имени правительства принес извинения корейскому народу за совершенные преступления. Публичные и официальные признания вины объясняются не в последнюю очередь осознанием транспоколенческих, долговременных последствий травматического исторического опыта, что создает новые предпосылки для организации национальной памяти как для преступников, так и для их жертв. Важнейшей новацией является отделение памяти от стремления к мести. Жертвы и преступники признают совместную память более надежной основой для мирного сосуществования, чем совместное забвение. В случае с травматическим опытом жертв Холокоста максима о целительной силе забвения уступила место этическому требованию хранить совместное воспоминание [2].

Нельзя также не отметить, что «политика памяти» (включая экстремистские проявления таковой) характерна для стран Запада. Пример Японии тут скорее исключение — напомним, что никакого наказания, равного понесенного немцами за Холокост, японцы за преступления в годы II Мировой войны за преступления против жителей азиатских стран не понесли. В других государствах — в том числе и с демократическим режимом — ничего похожего на «политику памяти» не проводится. То есть, «политику памяти» можно признать не просто особенностью западных государств, но частью идентичности западного сообщества.

Литература

- [1] Аксенов К. В., Решетникова И. Д. Хайп в коммуникациях зарубежных компаний в связи с движением «Black Lives Matter» // Верхневолжский филологический вестник. — 2020. — № 4 (23). — С. 44–50.
- [2] Ассман А. Длинная тень прошлого: мемориальная культура и историческая политика / пер. с нем. Бориса Хлебникова. — М. : Новое литературное обозрение, 2014. — 328 с.
- [3] Гусев А. С. Современные зарубежные исследования взаимосвязи социальной и политической идентичности личности // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. — 2013. — № 6. — 2 (32). — С. 55–59.
- [4] Казарян Т. М., Резанова Н. И. Партия левых в ФРГ и проблема геноцида // Актуальные проблемы государства, права и гуманитарных наук : сб. мат-лов Междунар. науч.-методич. конф. преподавателей, аспирантов, магистрантов, студентов. — Н. Новгород : Волжский гос. ун-т водного транспорта, 2018. — С. 109–112.
- [5] Лункин Р. Н. Антирасистские протесты в Европе // Научно-аналитический вестник Института Европы РАН. — 2020. — № 5 (17). — С. 106–112.
- [6] Пахомова Е. А. К вопросу о многообразии либерализма в современном мире // Вестник Волжской государственной академии водного транспорта. — 2013. — № 36. — С. 225–227.

[7] *Третьякова К. С.* Движение Black Lives Matter: Борьба с расизмом в начале XXI в. // МНСК-2020: История : мат-лы 58-й Междунар. науч. студ. конф. (Новосибирск, 10–13 апреля 2020 г.). — Новосибирск : Новосибирский национальный исследовательский государственный университет, 2020. — С. 42–43.

[8] *Шевченко А. П.* О движении Black Lives Matter и восстановлении «лингвистической справедливости» // Филологический аспект. — 2020. — № S1 (1). — С. 51–56.

[9] *Loewy H. A.* History of ambivalence: postreunification German identity and the Holocaust // Patterns of Prudice. — 2002. — Vol. 36. — Issue 2. — Pp. 3–13.

[10] *Moses A. D.* The Non-German German and the German German: Dilemmas of Identity after the Holocaust. // New German Critique. — 2007. — No. 101. — Pp. 45–94.

[11] *Rüsen J.* Holocaust-Memory and German Identity: Three forms of generational practices // Proceedings Actes : 19th International Congress of Historical Sciences / Eds. Jølstad A., Lunde M. — Department of History, University of Oslo, 2000. — Pp. 95–105.

[12] *Welch S., Wittlinger R.* The resilience of the nation state: cosmopolitanism, holocaust memory and German identity // German politics and society. — 2011. — Vol. 29. — Issue 3. — Pp. 38–54.

FOMENKOV Artjom,

*Doctor of Historical Sciences, Associate Professor,
Associate Professor at the Department
of Social and Political Communications
E-mail: artjom2310@inbox.ru
National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod,
Nizhny Novgorod, Russia*

BYVALTSEV Maxim,

*Student of the Institute of International
Relations and World History
E-mail: mab_1477@yahoo.com
National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod,
Nizhny Novgorod, Russia*

"MEMORY POLICY" AS AN INTEGRAL PART OF WESTERN IDENTITY

This article reveals the connection between the "policy of memory", which was developed in the post-war Germany, and the modern practice of repentance to the peoples of the former colonies, which is characteristic of Western countries. It is concluded that the "policy of memory", originally aimed at the inadmissibility of the repetition of the Holocaust in the future, has become part of the identity in the countries of the West.

Key words: *identity, genocide, Holocaust, the West, importance, features, "memory policy", racism.*

For citation: *Fomenkov A. A., Byvaltsev M. A. "Memory policy" as an integral part of Western identity // Bulletin of the BIST (Bashkir Institute of Social Technologies). — 2021. — No. 2 (51). — Pp. 32–36. DOI: 10.47598 / 2078-9025-2021-2-51-32-36*

References

[1] *Aksenov K. V., Reshetnikova I. D.* Xajp v kommunikacijax zarubezhny`x kompanij v svyazi s dvizheniem "Black LIVES Matter" [Hype in the Communications of Foreign Companies in Connection with the Movement "Black Lives Matter"] // Verxnevolzhskij filologičeskij vestnik [Verkhnevolzhskiy Philological Bulletin]. — 2020. — No. 4 (23). — Pp. 44–50.

[2] *Assman A.* Dlinnaya ten` proshlogo: memorial`naya kul`tura i istoričeskaya politika / per. s nem. Borisa Xlebnikova [The Long Shadow of the Past: Memorial Culture and Historical Politics / transl. from German Boris Khlebnikov]. — Moscow : New literary review, 2014. — 328 p.

[3] *Gusev A. S.* Sovremennyy`e zarubezhny`e issledovaniya vzaimosvyazi social`noj i političeskoj identičnosti lichnosti [Modern Foreign Studies of the Relationship of Social and Political Identity of the Individual] //

Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy` teorii i praktiki [Historical, Philosophical, Political and Legal Sciences, Cultural Studies and Art History. Theory and Practice Issues]. — 2013. — No. 6. — 2 (32). — Pp. 55–59.

[4] *Kazaryan T. M., Rezanova N. I.* Partiya levyy`x v FRG i problema genocida [Party of the Left in Germany and the Problem of Genocide] // Aktual'ny`e problemy` gosudarstva, prava i gumanitarny`x nauk : sb. mat-lov Mezhdunar. nauch.-metodich. konf. преподаvatelej, aspirantov, magistrantov, studentov [Actual Problems of the State, Law and Humanitarian Sciences: collection of articles of the International Scientific-Methodical Conference of Teachers, Graduate Students, Undergraduates, Students]. — N. Novgorod : Volga State University of Water Transport, 2018. — Pp. 109–112.

[5] *Lunkin R. N.* Antirasistskie protesty` v Evrope [Anti-Racist Protests in Europe] // Nauchno-analiticheskij vestnik Instituta Evropy` RAN [Scientific Analytical Bulletin of the Institute of Europe RAS]. — 2020. — No. 5 (17). — Pp. 106–112.

[6] *Pakhomova E. A.* K voprosu o mnogoobrazii liberalizma v sovremennom mire [On the Issue of the Diversity of Liberalism in the Modern World] // Vestnik Volzhskoj gosudarstvennoj akademii vodnogo transporta [Bulletin of the Volga State Academy of Water Transport]. — 2013. — No. 36. — Pp. 225–227.

[7] Dvizhenie Black Lives Matter: Bor`bas rasizmom v nachale XXI v. [Tretyakova KS Black Lives Matter Movement: Fighting Racism at the Beginning of the 21<sup>st</sup> Century] // MNSK-2020: Istoriya : mat-ly` 58-j Mezhdunar. nauch. stud. konf. (Novosibirsk, 10–13 aprelya 2020 g.) [MNSK-2020: History : materials of the 58th International Scientific Student Conference (Novosibirsk, April 10–13, 2020)]. — Novosibirsk : Novosibirsk National Research State University, 2020. — Pp. 42–43.

[8] *Shevchenko A. P.* O dvizhenii Black Lives Matter i vosstanovlenii "lingvisticheskoy spravedlivosti" [On the Black Lives Matter Movement and the Restoration of "Linguistic Justice"] // Filologicheskij aspekt [Philological Aspect]. — 2020. — No. S1 (1). — Pp. 51–56.

[9] *Loewy H. A.* history of ambivalence: postreunification German identity and the Holocaust // Patterns of Prududice. — 2002. — Vol. 36. — Issue 2. — Pp. 3–13.

[10] *Moses A. D.* The Non-German German and the German German: Dilemmas of Identity after the Holocaust. // New German Critique. — 2007. — No. 101. — Pp. 45–94.

[11] *Rüsen J.* Holocaust-Memory and German Identity: Three forms of generational practices // Proceedings Actes : 19th International Congress of Historical Sciences / Eds. Jølstad A., Lunde M. — Department of History, University of Oslo, 2000. — Pp. 95–105.

[12] *Welch S., Wittlinger R.* The resilience of the nation state: cosmopolitanism, holocaust memory and German identity // German politics and society. — 2011. — Vol. 29. — Issue 3. — Pp. 38–54.